

Шкаровский М. В.

Князь-Владимирский собор Санкт-Петербурга в 1917-1941 гг.

Главный храм Санкт-Петербурга, посвященный святому равноапостольному князю Владимиру, – возведенный в XVIII веке собор на Петроградской стороне, в советский период пережил много сложных и драматичных страниц, но все-таки остался одним из немногих не закрытых храмов города и сыграл очень важную, во многом ключевую роль в его церковной жизни. Несколько лет Князь-Владимирский собор даже был кафедральным храмом епархии, в нем пребывали многие чтимые святые, перенесенные из закрытых церквей, в том числе чудотворная Казанская икона Божией Матери.

Развернутый вскоре после Октябрьского переворота «красный террор» самым непосредственным образом коснулся и священнослужителей Князь-Владимирского собора. 27 сентября 1918 г. ЧК арестовала настоятеля храма (с 1912 г.) протоиерея Леонида Богоявленского. Это был известный и уважаемый в городе пастырь. Верующие неоднократно обращались к властям с ходатайствами о его освобождении. Например, собрание работников Епархиального свечного завода, правление которого отец Леонид возглавлял, единогласно приняло следующее постановление: «Мы, рабочие и служащие Петроградского епархиального свечного завода, обсудив на общем собрании 28-го сентября 1918 г. тяжелое положение, создавшееся с арестом 27-го сентября председателя правления завода гражданина Леонида Константиновича Богоявленского, и приняв во внимание, что в настоящее время устранение от заводского дела опытного руководителя отразится на заготовке сырья и нам предстоит остаться без заработка, постановили: немедленно ходатайствовать перед надлежащими властями Советской республики об освобождении теперь же от ареста гражданина Леонида Константиновича Богоявленского»¹. Многочисленные ходатайства в конце концов достигли своей цели и арестованного освободили.

1 февраля 1919 г. Комиссариат юстиции, угрожая судом, категорично потребовал от настоятеля Князь-Владимирского собора протоиерея Леонида Богоявленского в двухнедельный срок сообщить сведения

¹ ЦГА СПб, ф. 1221, оп. 1, д. 13.

о капиталах храма. В ответе временно замещавшего настоятеля священника Михаила Дамаскинского от 19 февраля указывалось, что банковский капитал собора составляет 14085 рублей. Отец Михаил подчеркнул, что сведения не могли быть представлены раньше, так как еще в августе 1918 г. ЧК арестовала старосту храма Д. А. Ильина, у которого находились все финансовые документы². 11 апреля 1919 г. в соответствии с требованиями властей был избран приходской совет («двадцатка») во главе с настоятелем протоиереем Леонидом Богоявленским, а 13 апреля был заключен договор с представителем райисполкома о передаче собора в бесплатное и бессрочное пользование верующим.

Ценные бумаги храма 4 июня 1919 г. были приняты в Госбанк, а в апреле 1920 г. весь капитал собора перечислили в казну. В апреле 1919 г. приходской совет представил в Комиссариат юстиции и требующую опись церковного имущества. В этот период его количество существенно увеличилось за счет передачи в Князь-Владимирский собор богослужебных предметов, икон, утвари из трех закрытых домовых церквей: Святого благоверного князя Александра Невского при 2-ом Кадетском корпусе на Ждановской набережной, 13, Покрова Пресвятой Богородицы при приюте Общества попечения о бесприютных детях на Ждановской набережной, 21/8 и храма Святых Елены и Константина при училище Святой Елены на Церковной (Блохина) улице, 29. Только из последней церкви в собор поступило 28 икон.

В июле 1919 г. протоиерей Леонид Богоявленский был назначен настоятелем кафедрального собора преподобного Исаакия Далматского, и настоятелем храма св. кн. Владимира стал протоиерей Михаил Союзов. В составе причта также состояли: второй священник Михаил Дамаскинский, третий священник Владимир Красницкий и три диакона – Иоанн Вишняков, Андрей Никольский и Николай Захаров. Из них особенно выделялся будущий основатель и руководитель «Живой Церкви» священник В.Д. Красницкий. Еще с осени 1918 г. отец Владимир начал работать в городском отделе юстиции по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства...» и в 1919-1920 гг. заключал от лица советской власти договоры с группами прихожан большинства храмов в Центральном городском районе. Он также служил инструктором политотделов Петроградского укрепрайона и XI-й дивизии, в 1919 – ноябре 1921 гг. читал лекции в Рабоче-крестьянском университете им. Зиновьева и в Красноармейском институте им. Толмачева. И при этом о. Владимир продолжал служить в Князь-

² Там же, ф. 151, оп. 2, д. 79, л. 4.

Владимирском соборе. В своей анкете от 26 декабря 1921 г. он записал: «В ноябре 1918 года по личному распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Ленина был вызван в Москву для личного доклада по положению служителей культа в рядах Красной Армии»³.

Во второй половине 1919 – 1920 гг. власти продолжали усиленно требовать выполнения различных положений декрета «Об отделении церкви от государства...» и инструкции, разъяснявшей его применение. Так, 11 августа 1919 г. в отдел ЗАГСа были переданы метрические книги Князь-Владимирского собора. 2 октября от протоиерея Михаила Союзова, которого избрали председателем приходского совета, потребовали представить сведения о доходах и расходах общины за последние два года⁴. В этот же период был национализирован церковный дом по Съезжинской ул., 10. Еще в 1918 г. было прекращено обучение Закону Божию в школах и 10 октября 1919 г. приходской совет обратился в Комиссариат юстиции с ходатайством о разрешения занятий с детьми при соборе частным образом. К заявлению приложили более 100 подписей родителей-прихожан. Власти ответили разъяснением, что изучение Закона Божия частным образом не возбраняется.

Однако и в то время случались серьезные инциденты. 6 октября 1919 г. отдел юстиции Петросовета указал инструктору-исполнителю по церковным делам Драницыну на необходимость провести расследование, допросив членов причта и приходского совета Князь-Владимирского собора. В отношении отдела юстиции сообщалось, что 18 сентября в храме после проповеди протоиерея Михаила Союзова товарищем председателя «двадцатки» К. И. Федюшкиным якобы «была произнесена во время богослужения речь контрреволюционного содержания»⁵. Подтвердить или опровергнуть достоверность этого факта сложно, но К. И. Федюшкин оставался товарищем председателя приходского совета собора до июня 1922 г.

Согласно сохранившимся (к сожалению, фрагментарно) протоколам заседания приходского совета вплоть до лета 1922 г. он функционировал очень активно. Например, 25 июля 1921 г. постановил пригласить в день празднования св. кн. Владимира для проведения богослужения епископа Ямбургского Алексия (Симанского) – будущего Патриарха Московского и всея Руси – и пять священников из других храмов. 29 июля 1921 г. на своем заседании совет решил ходатайствовать перед высшей церковной властью о возведении Князь-

³ Там же, л. 152-153.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ Там же, л. 6.

Владимирского собора в ранг штатного, награждении настоятеля прот. Михаила Союзова митрой, а диакона Андрея Никольского – саном протодиакона. Все эти ходатайства вскоре были удовлетворены. 6 сентября в храме состоялось торжественное богослужение в день 25-летнего служения в сане о. Андрея. Так же следует отметить, что в декабре 1920 г. в притворе собора по благословению священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина был освящен престол Всех Русских Святых.

17 августа 1921 г. «двадцатка» постановила просить Петроградский отдел охраны памятников искусства и старины принять под охрану Князь-Владимирский собор, как ценнейший памятник русского зодчества. И только после этого обращения храм был поставлен в отдел на специальный учет. В августе приходской совет также занимался заменой паркета в соборе, обсуждал вопрос о ремонте крыши разрушающегося бывшего церковного дома по Съезжинской ул, 10, оставшегося без присмотра властей, и т.д. 16 сентября 1921 г. совет избрал нового регента, П.П. Григорьева (в хоре тогда состояло 16 человек), 20 октября 1921 г. ассигновал Епархиальному ведомству для взятия в аренду свечного завода 1 миллион рублей⁶.

В 1922 г. произошли значительные изменения в положении всей Русской Церкви и особенно трагически они проявились в Петрограде. Резко изменилась и дальнейшая судьба Князь-Владимирского собора. 17 декабря 1921 г. священнослужителям собора было запрещено устраивать без специального разрешения «сборища помимо церковных служб», о чем с них были взяты расписки. 21 декабря заведующий районным церковным столом указал совету на недопустимость передачи другим нуждающимся общинам имущества, полученного после ликвидации домовых церквей. 24 декабря «двадцаткой» собора было получено предписание в двухнедельный срок прекратить занятия Закона Божия в помещении храма и частных домах с детьми до 18-летнего возраста. Теперь подобные занятия категорически запрещались. В тот же день в соборе состоялась проверка церковного имущества – все оказалось на месте⁷.

17 января 1922 г. священнослужители были вынуждены написать расписку с обязательством совершать богослужения только с разрешения заведующего церковным столом. Вскоре с них также стали требовать предоставления конспекта проповеди перед ее произнесе-

⁶ Там же, л. 92-95.

⁷ Там же, л. 100.

нием. 26 января из райисполкома пришел циркуляр с указанием переизбрать приходской совет: теперь он должен был состоять не более чем из 10 человек, причем количество священнослужителей не могло превышать одной трети. Но в состав нового совета опять вошел в качестве председателя протоиерей Михаил Союзов. 27 марта 1922 г. по требованию властей в церковный стол была передана инвентарная опись 1875 г., а 11 апреля предоставлены регистрационные анкеты прихожан – всего 505 листов.

С апреля 1922 г. в Петрограде началась широкомасштабная кампания по изъятию церковных ценностей. Во многих храмах верующие оказали сопротивление членам комиссии по изъятию церковных ценностей, в том числе в Князь-Владимирском соборе. Первая попытка вывезти их 19 апреля 1922 г. была сорвана. В объяснительном докладе представителя комиссии Фирсова сообщалось, что при начале изъятия возбужденная толпа прихожан хлынула в храм. Присланные из ближайшего участка два милиционера, испугавшись угроз, убежали. Два представителя Гохрана, «типичные евреи, что толпу возмутило», были избиты. Члены комиссии вызвали вооруженную подмогу. «Пришедшие 10 курсантов заняли место, не допуская в алтарь», куда сложили все ценности. Вывезти их в тот день так и не удалось⁸. Фирсов был вынужден зафиксировать это в специальном акте: «Настоящий акт составлен представителем райкомиссии по изъятию церковных ценностей Фирсовым в присутствии настоятеля собора Владимира, что изъятие ценностей не могло производиться вследствие шума толпы, собравшейся у церкви, а посему дальнейшую опись производить не представлялось возможным... При изъятии представители Гохрана были избиты толпой, а посему вызвана вооруженная сила. На обращение настоятеля толпа не обращала внимания... Со стороны настоятеля и членов совета было оказано полное содействие к изъятию ценностей и успокоению толпы, причем настоятель и староста, защищая вещи от разграбления толпой, сами пострадали от толпы»⁹.

Изъятие части ценностей из Князь-Владимирского собора произошло 21 апреля 1922 г. – 4 серебряных риз весом в 1 пуд 3 фунта в Гохран и 19 риз, 10 лампад и 4 ковшиков общим весом в 1 пуд 24 фунта в Помгол. Значительная часть ценностей была верующими выкуплена. За несколько дней они собрали сотни серебряных предметов – ножи, вилки, ложки, кувшины и т.п. и 27-28 апреля внесли в каче-

⁸ Там же, л. 284.

⁹ Там же, л. 258.

стве выкупа 2 пуда 33 фунта серебра, сохранив, таким образом, от уничтожения 35 риз, 4 Евангелия и другие ценности.

Но некоторые верующие и в день изъятия – 21 апреля – пытались спасти ценности собора. Так, отец Михаил Союзов передал одной из мирянок, О.П. Лопыревой, с целью сокрытия две золотые чаши, другая прихожанка спрятала малое Евангелие в печке, отапливавшей собор. 28 апреля Народный суд 3-го отделения Петроградского района начал следствие по уголовному делу «О сокрытии церковных ценностей из собора Князя Владимира». В этот день были арестованы прихожане храма – А.М. Лопырев, его мать Ольга Петровна и малолетние дочери Ольга, Лидия и Мария. 4 мая материалы следствия передали в ГПУ¹⁰. Следует отметить, что как раз в дни изъятия праздновалась Пасха. В Пасхальную ночь верующих собралось так много, что они не могли поместиться в здании собора, и богослужение для них шло в ограде возле храма.

Золотых и серебряных вещей в Князь-Владимирском соборе за полтора века накопилось множество и власти решили в начале июня повторить апрельскую «операцию». 6 июня 1922 г. специальная экспертная комиссия обнаружила в алтаре храма несколько небольших золотых предметов и, кроме того, подсчитала, что в соборе осталось, с вычетом внесенных ранее 2 пудов 33 фунтов, серебряных ценностей еще на 10 пудов (163 килограмма). 12 июня представители властей изъяли различные богослужебные предметы общим весом 6 пудов, еще более 3 пудов серебра верующие собрали в качестве выкупа. Этот выкуп внёс священник Михаил Дамаскинский, так как протоиерей Михаил Союзов был уже арестован.

Казалось изъятие церковных ценностей в Петрограде почти завершилось, ситуация в городе стабилизировалась и не было никакой необходимости подвергать духовенство новым репрессиям. Но в мае 1922 г. государственные структуры организовали так называемый обновленческий раскол и после ареста в Москве Патриарха Тихона власть в Русской Православной Церкви на год захватили просоветски настроенные обновленцы. Митрополит Вениамин категорически отверг их претензии и 28 мая в своем послании к пастве отлучил от Церкви руководителей обновленцев.

Срочно стал готовиться судебный процесс. Владыку Вениамина и близких к нему священнослужителей и мирян обвинили в попытке добиться изменения декрета об изъятии церковных ценностей и орга-

¹⁰ Там же, л. 43.

низации сопротивления его выполнению. 86 человек предстали в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня судебном процессе, в том числе настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Михаил Союзов и бывший настоятель протоиерей Леонид Богоявленский. На процессе отец Михаил частично признал свою вину за распространение послания митрополита Вениамина от 12 марта 1922 г., а протоиерей Леонид какую-либо вину категорически отрицал¹¹. В качестве одного из главных свидетелей обвинения на процессе выступил священник Князь-Владимирского собора, заместитель председателя обновленческого Высшего Церковного Управления Владимир Красницкий¹².

В соответствии с вынесенными приговорами четверо новомучеников: митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шейн), профессор Ю.П. Новицкий и юрист И.М. Ковшаров были расстреляны. В число первоначально приговоренных к смертной казни входил протоиерей Леонид Богоявленский, которому затем высшую меру заменили 5 годами лишения свободы. Протоиерея Михаила Союзова губревтрибунал приговорил к 3 годам лишения свободы и в Князь-Владимирский собор он уже не вернулся.

Майские аресты 1922 г., охватившие основную часть епархиального руководства, временно подорвали сопротивление обновленцам в Петрограде. Узурпаторы церковной власти 28 июля 1922 г. сформировали свое Петроградское Епархиальное управление, в которое вошел в качестве заместителя председателя ВЦУ В. Д. Красницкий. Он создал и возглавил группу «Живая Церковь», которая на первых порах господствовала в обновленчестве. Живоцерковникам удалось захватить Князь-Владимирский собор, настоятелем и председателем приходского совета которого с июня 1922 г. стал В. Красницкий.

27 июня 1923 г. советские власти под влиянием внутренней обстановки в стране и широкой кампании в странах Западной Европы освободили Патриарха Тихона. Сразу же после освобождения Первосвятителя начался чрезвычайно быстрый спад влияния обновленцев и массовое возвращение верующих и духовенства под его окормление. 15 июля после длительного отсутствия в Петроград приехал В. Красницкий. Его появление ознаменовалось крупным скандалом: когда во время обедни в Князь-Владимирском соборе он появился на кафедре, его встретили оглушительными криками и проклятиями. Священнослужение Красницкого в соборе стало после этого на некоторое время

¹¹ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С. 77-78.

¹² Левитин А., Шавров В. Очерки по истории Русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1977. С. 287.

практически невозможным. Каждое слово покрывалось возгласами: «Мерзавец! Вон! Руки в крови!»¹³.

В июле–августе 1923 г. петроградские храмы захлестнула волна стихийных демонстраций. Но В. Красницкий при поддержке властей бесконтрольно распоряжался всеми делами в Князь-Владимирском соборе и изгнать его из храма оказалось невозможно. Тогда из собора ушли, порвав с обновленцами, многие из еще оставшихся прихожан, а затем и второй священник Михаил Дамаскинский (в апреле 1924 г. его арестовали и отправили на 2 года в Соловецкий лагерь). С Красницким остался только священник Иоанн Вишняков, но и он через несколько месяцев ушел из храма. Уже в феврале 1924 г. материальное положение общины было крайне бедственным. Храм из-за почти полного отсутствия средств зимой не отапливался и от сырости и промерзания начал разрушаться.

В книге воспоминаний известного церковного историка А. Э. Краснова-Левитина так говорится об этом периоде жизни «протопресвитера всея России»: «Красницкий служил в своей старой “вотчине” – Князь-Владимирском соборе. Огромный собор пустовал: количество прихожан никогда не превышало сотню человек. Между тем, собор нуждался в ремонте, крыша протекала, с правой стороны карниз обвалился. Красницкий свел к минимуму расходы, служил один без диакона, приспособил для служения пономарку. В соборе служба была только по праздникам. Ничего не помогало: денег на ремонт не хватало. Однако каждое воскресенье и вторник в пономарке расставлялись скамейки. На солее также ставился столик. Красницкий проводил беседы»¹⁴. Денег не только на ремонт, но и на обычное обслуживание здания собора катастрофически не хватало, поэтому внутри него была сколочена небольшая временная деревянная церковь, освященная во имя Всех Святых. Для нее использовали Царские врата, переданные из Спасо-Колтовского храма. Только эта временная церковь и отапливалась, что наносило большой вред всему зданию. Сооружена она была без ведома и разрешения реставрационной мастерской, курировавшей собор, и по ее требованию в дальнейшем была разобрана.

Во второй половине 1926 г. Князь-Владимирский собор стал быстро разрушаться, казалось, еще немного и он погибнет. В конце концов, 30 октября Президиум Ленсовета постановил: «Принимая во внимание, что техническое состояние Князь-Владимирского собора,

¹³ Там же. Т. II. С. 219-220.

¹⁴ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925-1941. Воспоминания. Париж, 1977. С. 151.

что на Петроградской стороне, грозит общественной безопасности, предложить Адмотделу и РИКу означенный собор немедленно закрыть и впредь не допускать устройства в нем каких-либо собраний до приведения в надлежащее техническое состояние...»¹⁵.

8 ноября 1926 г. Князь-Владимирский собор был закрыт и опечатан, но опечатанный храм по-прежнему не ремонтировался и не охранялся. 3 декабря 1926 г. Президиум Петроградского райисполкома постановил: «В целях предотвращения возможного обвала колокольни войти с предложением через Губадмотдел в Губисполком о целесообразности снятия колоколов в соборе». 26 января 1927 г. живоцерковная «двадцатка» написала заявление об отказе от ответственности за сохранность собора. 3 февраля губисполком обратился в Ленинградское отделение Главнауки с предложением изъять все ценности храма из-за их плохого хранения. К счастью, Главнаука на это не пошла, указав, что в соборе должно оставаться имущество, «составляющее историко-художественный ансамбль». Но часть ценностей все же была 31 мая 1927 г. изъята в Государственный Музейный фонд: Евангелие 1703 года в серебряном позолоченном окладе, два напестольных серебряных креста (из них один, середины XVIII века, весил 1106 граммов), хрустальная люстра, серебряные чаши, дискос, иконы Тихвинской Божией Матери, святого Нила Столобенского и Владимирской Божией Матери в серебряных ризах, Царские врата, ранее находившиеся в Спасо-Колтовской церкви, и футляр от старинных английских часов. Сами часы, как и Евангелие 1815 г. в серебряном окладе, а также крест с частицами мощей трех святых были украдены из собора в ночь на 19 мая 1927 г.¹⁶.

Ленинградское отделение Главнауки выступило против снятия всех колоколов. 14 февраля 1927 г. оно сообщило уполномоченному Наркомата просвещения Подольскому, что опасности их падения нет – балки, на которых они висят, находятся в удовлетворительном состоянии; необходимо лишь снять и реализовать самый большой колокол весом 325 пудов, отлитый в 1889 г. Так и было сделано. 11 колоколов, отлитые в конце XVIII века, общим весом в 440 пудов (из них крупнейший в 295 пудов), остались на месте.

После отказа живоцерковной «двадцатки» от содержания и охраны здания храма расторжение договора с ней стало неизбежным. 26 апреля 1927 г. Петроградский райисполком предложил губадмот-

¹⁵ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 20, л. 314, д. 81, л. 100.

¹⁶ Там же, л. 150.

делу существующий договор с «двадцаткой» аннулировать, «собор как таковой немедленно ликвидировать..., здание сохранить как архитектурно-исторический памятник и использовать на другие цели, передав более мощной организации, могущей такое реставрировать и содержать»¹⁷.

В ответ 13 мая губадмотдел указал на необходимость в соответствии с существующим законом подождать две недели до ликвидации собора, дав объявление с предложением другим группам верующих взять храм по договору. Объявление было вывешено и сразу же нашлось большое количество мирян, желающих заключить договор о пользовании собором. Они соглашались полностью за свой счет провести огромные ремонтно-восстановительные работы. 9 июня 1927 г. Президиум райсовета постановил расторгнуть договор с прежней «двадцаткой» и предложил заведующему районным столом регистрации, «в целях охраны здания и имущества», передать его другой группе верующих. 11 июня такое же решение принял Президиум Ленсовета¹⁸.

Видимо не желая перехода храма к «тихоновцам», кто-то совершил 2 июня умышленный поджог. Пожар вспыхнул в ризнице на втором этаже в северо-западной части здания. К счастью, его удалось быстро потушить. 14 июня 1927 г. договор с живоцерковной «двадцаткой» был официально расторгнут и собор со всем имуществом перешел к общине верующих Московского Патриархата. Перед новым приходским советом, который возглавил известный адвокат А. А. Плотников, встала сложнейшая задача – восстановить в течение многих лет не ремонтировавшийся и уже частично разрушенный храм. Согласно договору, заключенному 15 июня, «двадцатка» взяла на себя обязательства провести ремонтно-реставрационные работы под наблюдением Главнауки в кратчайший технически возможный срок. Смета этих работ составляла очень большую по тем временам сумму – 40 тысяч «твердых» рублей периода НЭПа.

21 ноября 1927 г. после проведения первоочередного ремонта в храме начались богослужения. Настоятелем собора был назначен митрофорный протоиерей Павел Виноградов. Он служил еще со святым о. Иоанном Кронштадтским и со временем занял пост настоятеля Андреевского собора в Кронштадте. После высылки в 1920 г. из Кронштадта отец Павел служил, до их закрытия, в храмах Иоанновского монастыря, затем, в 1924–1927 г., был настоятелем церкви Алексия

¹⁷ Там же, д. 81, л. 127.

¹⁸ Там же, д. 80, л. 151.

Человека Божия вплоть до передачи ее обновленцам. Вместе с о. Павлом в Князь-Владимирский собор перешли из Алексиевской церкви бывшие священнослужители Иоанновского монастыря – протоиерей Михаил Бобковский и протодиакон Михаил Антонов, вернулся в храм священник Михаил Дамаскинский.

В конце декабря 1927 г. кафедральный собор Ленинградской епархии Воскресения Христова (Спас-на-крови) стал главным храмом возникшего иосифлянского движения. В феврале 1928 г. на Ленинградскую кафедру был назначен будущий священномученик митрополит Серафим (Чичагов). При нем в Князь-Владимирском соборе очень часто стали проводиться архиерейские службы – попеременно служили сам Владыка Серафим и его викарные епископы – Николай (Ярушевич), Сергей (Зинкевич) и Амвросий (Либин).

Но вскоре положение Князь-Владимирского собора и членов его причта сильно осложнилось. С рубежа 1928–1929 гг. начали быстро нарастать массовые гонения на Русскую Православную Церковь, постепенно расширялись репрессии против священнослужителей. 18 февраля 1929 г. ОГПУ арестовало протоиереев Павла Виноградова и Михаила Бобковского. Их обвиняли в антисоветской агитации и организации крестного хода с Державной иконой Божией Матери. Однако за недостатком улик через три дня был освобожден отец Павел, а 4 марта – и отец Михаил. 11 мая 1929 г. следственное дело в отношении них было прекращено.

В начале следующего года угроза нависла уже над самим собором. 24 февраля Президиум Петроградского райсовета принял решение о расторжении договора с «двадцаткой» из-за невыполнения ею строительно-восстановительных работ. Но это был скорее предлог. Так, 14 мая 1930 г. районный инспектор обществ и союзов Крутов общал в областной административный отдел: «Поскольку имеется запрос ряда общественных организаций, а также постановления рабочих и кооперативных организаций нашего района, которые настаивают на открытии в нашем районе Дома кооперации, полагаю, что нужно собор от двадцатки изъять и передать общественным организациям»¹⁹. Уже в январе 1930 г. районные власти устроили сбор подписей по заводам за закрытие храма.

Община и духовенство собора пытались бороться. Один из инициаторов перехода храма к Патриаршей Церкви священник Рафаил Бурачек с возмущением писал в облдумотдел, что за два с полови-

¹⁹ Там же, ф. 1000, оп. 66, д. 96, л. 3.

ной года приходской совет истратил на ремонтные работы 45654 рубля и ни одна церковная община Ленинграда не потратила больше. Районный же инспектор совершенно произвольно потребовал закончить весь ремонт, рассчитанный на 5 лет, в сезон 1929 г. 12 апреля 1930 г. отец Рафаил получил извещение, что за оскорбительные выражения, допущенные письменно в адрес инспектора т. Крутова, он будет привлечен к ответственности и на три месяца лишен свободы²⁰.

Протесты не помогли и 17 июля 1930 г. Президиум Ленсовета утвердил постановление районных властей о расторжении договора с «двадцаткой». Однако закрыть собор в разгар дорогостоящих восстановительных работ, полностью осуществлявшихся на средства верующих, городское руководство сочло нецелесообразным. Вместо прежнего церковного совета прихожане сформировали другую, с которым представитель райисполкома и заключил новый договор. Председателем двадцатки вместо А. А. Плотникова был избран курьер Михайловского оперного театра Л. Н. Васин.

В это же время изменился и состав причта. Протоиерей Павел Виноградов в августе 1930 г., во время пребывания в отпуске на родине в селе Зикеево Западной (ныне Калужской) области, был арестован. По обвинению в контрреволюционной деятельности Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Западной области в декабре 1930 г. приговорила его к трем годам концлагеря; позднее, 14 марта 1938 г., о. Павла расстреляли в Красноярске.

Протоиерея Михаила Бобковского арестовали 17 сентября 1930 г. вместе с женой – племянницей святого о. Иоанна Кронштадтского Зинаидой Петровной. 8 августа 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности их осудила Коллегия ОГПУ. Отца Михаила приговорили к 5 годам лагерей, а жену – к 3 годам высылки в Северный край. После освобождения 6 января 1935 г. он нелегально приехал в Ленинград к тяжело больной жене и 21 января был вновь арестован по делу «иоаннитов». Отец Михаил хранил как память об Иоанновском монастыре антиминос 1912 г., который был изъят при аресте и, вероятно, уничтожен. 31 июля 1935 г. Особое Совещание при НКВД СССР приговорило священника к 3 годам лагерей, где он, скорее всего, и погиб²¹. Кроме о. Михаила осенью 1930 г. был арестован и отправлен в лагерь еще один, особенно досаждавший властям священник Князь-Владимирского собора, отец Рафаил Бурачек.

²⁰ Там же, л. 19-20.

²¹ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П-18020, д. П-74047, д. П-74528.

Новым настоятелем храма св. кн. Владимира в августе 1930 г. был назначен очень известный в Ленинграде протоиерей Александр Васильевич Медведский. Вот как пишет о нем в своей книге воспоминаний историк А. Краснов-Левитин: «Из других проповедников этого времени наибольшей популярностью пользовался протоиерей отец Александр Медведский... До 1930 г. отец Александр служил в небольшом храме Преображения Господня за Московскими воротами, а в конце 1930 г. он был назначен настоятелем Князь-Владимирского собора на Петроградской стороне (у Тучкова моста). Его предшественник, отец Павел Виноградов, арестованный в конце 1930 г., хороший старый священник, служивший еще вместе с отцом Иоанном Кронштадтским, пользовался популярностью в народе. Однако его популярность нельзя и сравнить с популярностью нового настоятеля. Во Владимирский собор на его беседы собирался весь церковный Питер. Беседы происходили по воскресениям вечером. После вечерни читался акафист Спасителю. Большинство приходило с книжечками; отец Александр читал лишь начало икосов, а затем народ продолжал обращение к Спасителю: «Иисусе!»... После акафиста начинались беседы – беседы необыкновенно смелые, оригинальные, вдумчивые... У отца Александра было умение с первых слов захватить слушателя, зажечь его, заставить себя слушать и держать в напряжении до конца речи. Это и является главной особенностью оратора, проповедника»²².

При отце Александре, не боявшемся обличать в своих проповедях власти, Князь-Владимирский собор действительно приобрел особенную известность. В нем были завершены ремонтно-восстановительные работы, по-прежнему часто проходили архиерейские службы. В начале 1930-х гг. храм украсил большой очень интересный образ Святого благоверного князя Александра Невского, написанный 16 ноября 1930 г. архидиаконом Александром-Невской Лавры священномучеником Серафимом Вавиловым (расстрелянным и похороненным в 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой). Этот образ и сейчас находится в Успенском приделе.

В 1932 г. начались массовые аресты священнослужителей. Глубоко трагичной является дата 18 февраля, когда в один день тюрьмы поглотили почти все, еще остававшееся к тому времени в живых, ленинградское монашество. Всего в ночь с 17 на 18 февраля было арестовано около 500 человек, среди них и протоиерей Александр Медведский. Его обвинили в произнесении антисоветских проповедей. 11 ап-

²² Краснов-Левитин А. Указ. соч. С. 208-209.

реля 1932 г. выездная судебная сессия Коллегии ОГПУ приговорила арестованных к различным срокам заключения и ссылки, в том числе отца Александра – к 3 годам лагерей²³. Вернулся протоиерей в Князь-Владимирский собор только после Великой Отечественной войны в конце 1940-х гг.

Одновременно в арестом настоятеля власти вновь попытались закрыть храм. 9 февраля 1932 г. Ленинградская областная комиссия по вопросам культов приняла решение о ликвидации собора и передаче здания для организации учебного комбината завода имени Кулакова. 21 февраля и Президиум Ленсовета, больше не стесняемый необходимостью восстанавливать разрушающийся храм, постановил: «Исходя из того, что завод имени Кулакова ощущает крайнюю нужду в помещении для организации учебного комбината, и что церковь князя Владимира может быть приспособлена для этой цели с затратой 244 000 рублей, которые в наличии у завода имеются – церковь считать ликвидированной, верующих прикрепить частично к церкви Троицы (площадь Революции) и частично к церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове»²⁴. В то же день о постановлении Президиума Ленсовета уведомили «двадцатку», но она послала жалобу в Москву, во ВЦИК, который не утвердил закрытие храма. Таким образом, собор и в 1932 г. избежал «ликвидации». Новым его настоятелем 1 марта был назначен протоиерей Лев Муллер.

В 1933 г. произошли и другие изменения в составе причта и приходского совета. 2 июня новым председателем «двадцатки» был избран рабочий Ленмосттреста, член ревизионной комиссии собора с 1930 г. И. М. Куракин. 15 июня скончался протоиерей Константин Николаевич Флеров и 18 июня его отпевал в храме митрополит Серафим (Чичагов). В июле 1933 г. власти закрыли старейший храм Санкт-Петербурга – Троицкий собор на площади Революции (Троицкой). Все его священнослужители указом Владыки Серафима от 1 августа 1933 г. были переведены в Князь-Владимирский собор: протоиереи Николай Ладыгин, Феодор Ильинский, Николай Успенский, Кирилл Зверев и диаконы Никита Соломатин, Александр Ковалев. В храм передали из Троицкого собора (который вскоре варварски снесли) значительную часть его церковного имущества: Евангелие 1829 г. в серебряном

²³ Там же. С. 209, 216; *Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Машинопись. С. 24-26, 103-107; ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 10, д. 431, л. 60б.

²⁴ Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 205, л. 81-82, ф. 1000, оп. 91, д. 19, л. 25-28.

окладе, образ Греческой Божией Матери в серебряной ризе и еще 16 икон, 40 богослужебных книг и т.д.

27 июня 1933 г. Президиум Леноблисполкома и Ленсовета постановил: «Колокольный звон не является необходимым элементом культовой службы – признать своевременным прекращение колокольного звона в церквях г. Ленинграда». Председатель «двадцатки» Князь-Владимирского собора И. М. Куракин был вынужден, как и председатели приходских советов других храмов города подписать обязательство о прекращении колокольного звона с 15 июля. А 4–9 октября 1933 г. все 11 старинных колоколов собора были по актам переданы представителю «Металлолома» и в дальнейшем безжалостно переплавлены для удовлетворения нужд пятилетки.

Следующий тяжелый удар по духовенству епархии и конкретно Князь-Владимирского собора был нанесен весной 1933 г. при проведении в Ленинграде паспортизации населения²⁵. В ленинградских паспортах было отказано примерно 200 священнослужителям, в основном не зарегистрированным, и им пришлось покинуть город. В их числе был и сам Владыка Серафим (Чичагов), который, оставаясь митрополитом, должен был теперь жить в Тихвине. Дальнейшее пребывание Владыки на Ленинградской кафедре, в связи с запрещением ему жить в городе, было затруднительным и 14 октября указом Патриаршего Синода его отправили на покой. Вместо митрополита Серафима во главе Ленинградской епархии был поставлен митрополит Алексий (Симанский), до этого занимавший Новгородскую кафедру. В престольный праздник святителя Николая Чудотворца 18 декабря 1933 г. новый Владыка служил всенощную в Князь-Владимирском соборе. Из числа членов причта Князь-Владимирского собора паспорта не выдали протоиерею Григорию Ильтонову и диакону Зиновию Бассу. Не получил желанный документ и приписанный к храму священник Михаил Щербаков, ему также пришлось уехать из Ленинграда.

Не прекращались и аресты священнослужителей. Тяжелый удар по общине Князь-Владимирского собора был нанесен так называемым делом «евлогиевцев». Аресты по этому делу начались 22 декабря 1933 г. и продолжались до 26 января 1934 г.²⁶. Всего по делу «евлогиевцев» проходили 175 человек, из них 157 были арестованы. Одним из главных обвиняемых являлся священник Князь-Владимирского собора Михаил Дамаскинский, объявленный организатором и

²⁵ Там же, оп. 33, д. 205, л. 116, 120.

²⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П-66773, т. 12.

руководителем «Братства отца Иоанна Кронштадтского», якобы существовавшего при храме. Его арестовали 22 декабря 1933 г., как и еще 20 наиболее активных членов клира и прихожан – штатного протоиерея собора с октября 1927 г. Василия Кудрявцева, казначея приходского совета Никифора Михайловича Крючкова, члена «двадцатки» дочь генерал-майора, вдову белогвардейского офицера Лидию Евгеньевну Михайлову-Рощину, ее сына Всеволода и многих других.

«Евлогиевцы» были осуждены Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 г. Отцов Михаила Дамаскинского и Василия Кудрявцева приговорили к 5 годам лагерей, а Н. М. Крючкова, Л. Е. Михайлову-Рощину, В. Михайлова и большинство других арестованных прихожан – к 3 годам лагерей.

Воспользовавшись массовыми арестами членов причта и «двадцатки» Князь-Владимирского собора, обновленцы развернули целую кампанию за передачу храма в их ведение. 7 марта 76 мирян «обновленческой ориентации» во главе с А. Е. Комовым подали первое заявление в Петроградский райисполком. В качестве главного аргумента подчеркивалась враждебность существующей общины собора советскому обществу: «Мы, обновленцы, видим за их службами, как они еще вцепляются в своих поминованиях в старый строй, закрепляя и формой служения и содержанием идеологию на старый лад». Прихожане якобы изгоняли заходивших обновленцев из храма, называя их «красными, безблагодатными»²⁷. 29 июня 1934 г. и обновленческое Ленинградское Епархиальное управление обратилось в комиссию по делам религиозных культов при Леноблисполкоме с настоятельным ходатайством о передаче собора группе верующих обновленцев²⁸. Однако прихожанам удалось отстоять свой храм. Не помогло и еще одно заявление обновленцев в райисполком от 1 октября 1934 г. о согласии использовать собор совместно с тихоновцами.

Несмотря на все гонения, число верующих, приходящих в храм, постоянно росло. Так, в 1930 г. в Князь-Владимирском соборе было совершено 12 венчаний, 169 крещений и 98 отпеваний, в 1933 г. соответственно – 34, 1137 и 186, а в 1934 г. – 38 венчаний, 1628 крещений, 219 отпеваний и 20100 исповедей. Доход в 1934 г. составил 243 143 рубля, а в 1935 г. он вырос до 258 872 рублей²⁹. За вторую половину 1934 г. хор певчих увеличился с 7 до 12 человек.

²⁷ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 205, л. 235.

²⁸ Там же, л. 236.

²⁹ Там же, л. 230, 232, 252-253.

В феврале 1935 г. в собор поступил из закрытой Успенской церкви подворья Киево-Печерской Лавры замечательный образ Успения Божией Матери – старинный список с чудотворной иконы Успения Божией Матери, главной святыни Лавры. Он и сейчас хранится в алтаре Успенского придела храма св. кн. Владимира. В собор перешли служить и некоторые священники Успенской церкви, в частности, отец Николай Триодин.

Но вскоре пришли новые беды. В декабре 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. В марте–апреле 1935 года в Ленинграде произошло массовое выселение «чуждого населения» – так называемый «Кировский поток». В газетах сообщалось, что из города «выселено некоторое количество граждан из царской аристократии и из прежних эксплуататорских классов». Под последними, видимо, подразумевалось и духовенство, так как его эта кампания коснулась прежде всего³⁰.

К 15 апреля «чистка» духовенства была закончена, всего из 429 священнослужителей Ленинграда и пригородов выслали в сельскую местность, на периферию, почти половину – 198 человек. Эта акция напрямую затронула и причт Князь-Владимирского собора. Из его состава выслали десять человек: протоиереев Николая Ладыгина, Николая Успенского, Феодора Ильинского, Кирилла Зверева, Николая Посунько, Николая Пенкина, протодиаконов Никиту Соломатина, Михаила Антонова, и диаконов Георгия Калашникова и Александра Киселева. Причем протодиакон М.К. Антонов был арестован по упоминавшемуся делу «иоаннитов» и 31 июля 1935 г. приговорен Особым Совещанием при НКВД СССР к 3 годам ссылки в Красноярский край. Первоначально оказался предназначен к высылке и протоиерей Павел Пашский, но затем по ходатайству митрополита Алексия «за недостатком священников» был оставлен служить в храме³¹. На 22 марта 1935 г. в соборе осталось лишь пять священнослужителей: протоиереи Лев Муллер, Николай Триодин, Карп Эльб (священномученик, расстрелянный в 1937 г.), Павел Пашский и протодиакон Иоанн Гонестов.

В условиях разворачивавшихся массовых репрессий власти опять попытались закрыть Князь-Владимирский собор. Очередная кампания началась с анонимного письма «комсомольцев и пионеров Петроградского района» первому секретарю Ленинградского обкома

³⁰ Там же, д. 112, л. 2-34.

³¹ Там же, д. 205, л. 217.

ВКП(б) А. А. Жданову, поступившего в Смольный 9 февраля 1935 г.: «Дорогой товарищ Жданов, обращаемся к вам с просьбой – закройте церковь князя Владимира на Петроградской стороне на Тучковой набережной. Сделайте это в память т. Кирова, который обещал нам это сделать и был для нас родным и заботливым отцом. Вот через пять дней будет Великий пост, наши родители мало сами бросают все дела и бегут в церковь каждый день утром и вечером, но и забирают всех ребят, даже не пускают на уроки. Сколько неприятностей у нас у всех через эту церковь. Прошлый год в Посту говели и причащались не только дети, а и молодежь – комсомольцы. Попы в Посту особенно распинаются, чтобы заманивать побольше людей, певчие уходят с работы под разными предлогами, чтобы петь в церкви, и нет над ними никакого контроля, никакого запрещения, под прикрытием 6 или 7 человек, зарегистрированных, поют человек 25-30... Еще раз крепко просим вас, дорогой товарищ Жданов, закрыть эту распространительницу заразы и контрреволюции и проверить нас. Всего написать не можем»³².

Вероятно, это была подстроенная провокация. 14 июня 1935 г. с ходатайством в Петроградский райисполком о передаче ему здания собора для развертывания экспозиции обратился Военный историко-бытовой музей Рабоче-крестьянской Красной армии. 13 июля уполномоченный Наркомата просвещения по музеям и охране памятников революции и старины в Ленинграде уже сообщил, что «препятствий со стороны органов охраны памятников не встречается»³³. И это при том, что собор находился под охраной государства на основании недавнего постановления ЦИК РСФСР от 20 марта 1935 г. И все-таки верующим снова удалось отстоять храм от закрытия.

Но подавляющее большинство церквей Ленинграда к 1936 г. было закрыто. А. Краснов-Левитин так писал в своих воспоминаниях: «Между тем, несметные толпы наполняли оставшиеся храмы. В 1936 году, чтобы попасть к светлой заутрене в Князь-Владимирском соборе, мне пришлось занять место на клиросе в 2 часа дня. Так же обстояло дело и в 1937-ом, и в 1939-ом... В великом посту сотни тысяч человек приступали к исповеди и причастию. Оставшиеся священники буквально сбивались с ног, падали от усталости. Подавалось огромное количество записок о здравии “скорбящих” (термин “заключенный” был запрещен)»³⁴.

³² Там же, л. 273-274.

³³ Там же, л. 243-244.

³⁴ Краснов-Левитин А. Указ. соч. С. 324.

Согласно бюллетеням областной комиссии по вопросам культов в пасхальную ночь с 11 на 12 апреля 1936 г. в Князь-Владимирском соборе присутствовало 17 тысяч человек, преимущественно женщин, а на рождественские службы 6-7 января 1937 г. там собралось более 15 тыс. верующих. В 1936 г. доходы приходской общины выросли до 338 992 рублей³⁵.

В ноябре 1936 г. вместо протоиерея Льва Муллера был назначен новый настоятель храма. 14 ноября митрополит Алексей (Симанский) подписал указ: «Князь-Владимирский собор поручается непосредственному ведению архиепископа Петергофского Николая»³⁶. В это время Владыка Николай (Ярушевич) по существу лишился своего викариата, так как все церкви в Петергофе кроме одной – Троицкой, были закрыты. Но по поручению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) он во второй половине 1930-х гг. управлял Псковской и Новгородской епархиями.

4 марта 1937 г. настоятель Князь-Владимирского собора вновь сменился, вместо архиепископа Петергофского митрополит Алексей назначил на этот пост епископа Череповецкого Тихона (Сергея Феофановича Рождественского). Владыка Тихон поселился в здании храма, заняв две комнаты, примыкавшие к колокольне. В то же время он продолжал управлять Череповецкой епархией, периодически выезжая в г. Череповец. Ранее епископ Тихон уже дважды подвергался арестам – в 1926 и 1930 гг., более 5 лет провел в ссылках и лагерях.

Накануне празднования Пасхи – 10 апреля 1937 г. митр. Алексей прислал новому настоятелю собора указ «по примеру прошлых лет» представить на специальных бланках следующие сведения: «1. Сколько было молящихся за ночным богослужением и около храма; 2. Как прошла Пасхальная служба; 3. Сколько за Великий пост было говеющих»³⁷.

Со своей стороны и районные власти вели самостоятельный тщательный учет. Так, в начале мая 1937 г. инспектор по делам религиозных культов Петроградского района Кузьмин направил заведующему сектором административного надзора Ленсовета К. Неглюевичу записку: «По наблюдению религиозного культа Князь-Владимирского собора... Народу прошло в течение трех дней пасхальных праздников около 50-60 тыс. чел... Служителей культа служило больше, чем зарегистрировано, зарегистрировано 5 священников и 1 дьякон, а факти-

³⁵ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 207, л. 38, д. 208, л. 2.

³⁶ Там же, д. 207, л. 81.

³⁷ Там же, д. 208, л. 21.

чески служило 8 чел... Члены двадцатки были выставлены для порядка, и чувствовалась их активность и сплоченность. Считаю, что такой активностью и организованностью они закрепляют ненужное для советской власти и вредное. Мое мнение тов. Неглюевич – нам надо приложить все возможное для того, чтобы разложить этот очаг»³⁸.

Свое мнение о необходимости вести борьбу с «двадцаткой» храма районный инспектор еще раз настойчиво высказал в справке о состоянии общины Князь-Владимирского собора от 29 мая 1937 г.: «По наблюдениям Совета этот собор является основным молитвенным учреждением данного религ[иозного] течения, где концентрируются главные церковные силы, концентрируется церковная библиотека и т. д. Вокруг этой церкви значительная группа людей из числа служителей культа и двадцатки, зарабатывая немалые деньги. Следует усилить надзор за деятельностью церкви. Из личного наблюдения видно, что этот очаг очень укреплен со стороны служителей культа, что видно из прихода средств и укрепления двадцатки. Считаю необходимым принять все возможные меры для того, чтобы ослабить работу этого очага двадцатки»³⁹. Кроме того, в справке указывалось, что при храме имелись 14 платных работников, в штате состояли 6 священнослужителей, среди 20 членов приходского совета было 14 мужчин.

«Разложить» причт и «двадцатку» не удалось, но многие их члены были репрессированы во второй половине 1937-1938 гг. 27 августа 1937 г. агенты НКВД арестовали и настоятеля собора епископа Тихона по сфабрикованному обвинению в том, что он якобы «в 1935 г. возглавил контрреволюционную повстанческую организацию церковников». Особая Тройка Управления НКВД по Ленинградской области приговорила епископа к высшей мере наказания и 9 октября Владыку расстреляли. Похоронили его на Левашовской пустоши под Ленинградом. Помимо епископа Тихона были расстреляны и некоторые другие священнослужители Князь-Владимирского собора, в частности, в декабре 1937 г. протодиакон Иоанн Гонестов. Некоторое время в разгар «большого террора» собор оставался без настоятеля. Затем 10 ноября 1937 г. на этот пост вновь был назначен протоиерей Лев Муллер. С 4 марта 1938 г. по 19 мая 1939 г. настоятелем храма служил протоиерей Павел Тарасов, а с мая 1939 г. по 17 февраля 1941 г. – протоиерей Владимир Румянцев.

³⁸ Там же, д. 209, л. 10.

³⁹ Там же, л. 1-3.

20 апреля 1938 г. была закрыта последняя Афонская (Ватопедская) церковь Воскресенского Новодевичьего монастыря и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) оказался выселен из здания обители, где он проживал с 1933 г. (по адресу Международный проспект, д. 90, кв. 102). В этом же году был закрыт кафедральный Свято-Троицкий Измайловский собор и митрополит Алексей (Симанский) избрал своим кафедральным собором храм св. кн. Владимира. Вскоре он переехал сюда жить. А. Краснов-Левитин так вспоминал об этом событии: «Митрополит Алексей был выброшен в течение суток из своих покоев в Новодевичьем монастыре (церковь была закрыта) и ютился в Князь-Владимирском соборе, на колокольне, где для него были специально оборудованы «покои» – две крохотные комнатки. Впрочем, своего образа жизни не изменял: тут же на колокольне была оборудована ванная комната, а внизу куховарила повариха – женщина в белом халате похожая на врача»⁴⁰. Владыка проживал в храме святого князя Владимира до июня 1941 г. Затем он переехал в Николо-Богоявленский собор, который приобрел статус кафедрального.

Перед войной в храме св. кн. Владимира по-прежнему продолжались ремонтно-восстановительные работы. Согласно акту от 25 октября 1939 г. были восстановлены тяги на фасадах, барабан центрального купола, отреставрированы паперты, проведен капитальный ремонт крыши. Ежегодно проводились побелка, окраска, реставрация живописи, штукатурные работы. В хоре певчих в 1939 г. состояло 17 человек. Ввиду большого количества желающих в сентябре 1940 г. президиум «двадцатки» решил увеличить число купелей до четырех, чтобы одновременно можно было крестить до 12 младенцев. Начинало ощущаться и приближение большой войны. Так, 2 октября 1940 г. президиум приходского совета постановил назначить дневных и ночных дежурных внутренней и наружной охраны собора во время учений противовоздушной обороны.

В это время в храм поступила главная православная святыня Санкт-Петербурга – Казанская икона Божией Матери, которая после закрытия Казанского собора уже побывала в Спасо-Успенском Сенинском, Андреевском соборах и кладбищенской церкви Смоленской иконы Божией Матери. 2 октября 1940 г. председатель приходского совета И. Куракин написал в сектор административного надзора Ленсовета: «Двадцатка собора Кн. Владимира настоящим ставит Вас в известность, что 2/IX 1940 г. в означенный собор привезена икона

⁴⁰ Краснов-Левитин А. Указ. соч. С. 322-323.

Б. М. Казанской (бывш. Казанского собора) со Смоленского кладбища, которая внесена в опись церковного имущества Кн. Владимирского собора под № 802»⁴¹.

Это была большая победа Московской Патриархии, так как до этого, начиная с 1922 г. Казанский образ Божией Матери находился в обновленческих храмах. Именно в Князь-Владимирском соборе икона оберегала в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны город святого апостола Петра и всю Русскую землю. Таким образом, община собора сумела выстоять в тяжелейших условиях репрессий 1920-х – 1930-х гг. и сберегла собор, который стал важнейшим центром духовного сплочения жителей города в период 900-дневной блокады.

Список источников:

1. АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П-18020, д. П-66773, т. 12, д. П-74047, д. П-74528.
2. ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 79, д. 20, д. 80, д. 81.
3. ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 66, д. 96, оп. 91, д. 19.
4. ЦГА СПб, ф. 1221, оп. 1, д. 13.
5. ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 10, д. 431.
6. ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 112, д. 205, д. 207, д. 208, д. 209.
7. «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.
8. *Краснов-Левитин А.* Лихие годы 1925-1941. Воспоминания. Париж, 1977.
9. *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории Русской церковной смуты. Т. 1-2. Кюснахт, 1977.
10. *Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Машинопись.

⁴¹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 123.